

Из каф. Марксизма-Ленинизма

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Доц.—канд. философских наук—Сурен Аздуни

„Я ваш, друзья,—хочу быть вашим,
На труд, на битву я готов,—
Лишь бы начать в союзе нашем
Живое дело вместо слов“ (Добролюбов).

Классики Марксизма-Ленинизма о Добролюбове

I

Освобожденный от цепей эксплуатации, советский народ с уважением и любовью вспоминает тех деятелей революционной мысли и революционного движения, которые в жесточайших условиях самодержавного режима своим словом и делом прокладывали пути освобождения человечества.

Таковыми деятелями советский народ по справедливости гордится и с чрезвычайной тщательностью бережет и разрабатывает их литературное наследство.

К таким именам, к таким деятелям русской революционной мысли принадлежит и Николай Александрович Добролюбов. Добролюбов принадлежит к числу тех великих русских людей, которые составляют гордость нашего народа и славу нашей родины.

В лице Добролюбова мы имеем одну из самых ярких, красочных и многогранных фигур в истории общественно-политической мысли XIX в.

В нем органически сочетались качества великого литературного критика и последовательного революционного демократа, страстного искателя философской истины и главы новой литературной школы, крупнейшего представителя русского просветительства и одного из самых близких предшественников русской социал-демократии. Добролюбов является, по выражению Ленина, самым ярким, самым близким непосредственным предшественником марксизма в России.

Критический революционный реализм Добролюбова является предшественником социалистического реализма, лозунг которого советской литературе дан тов. Сталиным.

Исключительное внимание и высокая оценка Добролюбова дана со стороны основоположников научного коммунизма—Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Литературно-публицистическая деятельность этого пламенного, страстного борца—Добролюбова, развернувшаяся в период от 1857 по 1861 г., получила широчайший общественный резонанс. Имя его стало известно не только всей мыслящей России, но и за ее пределами.

В библиотеках Маркса и Энгельса занимала заметное место русская литература 60-х годов и в том числе сочинения Добролюбова. Причем по имеющимся на полях всех этих книг отметкам можно судить, как говорит один из исследователей этих библиотек, Николаевский, что они прочитаны Марксом не только со вниманием, но и с заметным уважением.

Основоположник научного коммунизма Карл Маркс в письме к Николаю Даниэльсону (Н. Ф. Даниэльсон русский эконоmist и публицист, переводчик I тома „Капитала“ Маркса) от 9/XI 1871 г. в ответ на посылку сочинений Добролюбова писал:

„С сочинениями Эрлиба (т.-е. Добролюбова) я отчасти уже знаком. Как писателя, я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро“ (Маркс и Энгельс. Соч. т. XXVI, стр. 164), т.-е. крупнейшими представителями буржуазного просвещения.

Но в каком смысле Маркс сравнивает Добролюбова с Лессингом и Дидро? Лессинг Г. Ф. (1729—1781),—известный немецкий писатель, который положил начало классической немецкой поэзии и проложил новые пути критики и публицистики. Лессинг—один из крупнейших представителей эпохи просвещения в Германии. Для своего времени он был выдающимся революционером мысли, неутомимым борником свободы и гуманности. Лессинг был представителем революционной демократии XVIII столетия.

Дидро Дени (1713—1789)—французский философ-материалист, один из крупнейших просветителей XVIII столетия. Дидро был одним из наиболее любимых и чтимых Марксом писателей. Они (Лессинг в Германии и Дидро—во Франции) боролись во второй половине XVIII в. против абсолютизма, аристократии и мракобесия, подготавливая эпоху буржуазно-демократической революции. Таким образом, широта революционного культурного кругозора великого русского критика-просветителя дала возможность Марксу с полным основанием сравнивать Добролюбова, как писателя, с Лессингом и Дидро.

Очень высоко ценил Добролюбова и Фридрих Энгельс. Энгельс, высоко оценивая историческую роль великих рус-

ских просветителей - революционеров, видит проявление политического и теоретического достоинства русской нации в том, что она породила двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов.

В своей статье 1874 г. „Эмигрантская литература“ Энгельс отзывается о Добролюбове и его старшем товарище Чернышевском следующим образом:

„Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет от того, что как-то породила такого пройдоху, как Бакунии и несколько незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжятся как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга“. Маркс, Энгельс. Соч. том XV, стр. 235).

Энгельс также очень высоко ценил литературно-публицистическую деятельность Добролюбова, который сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. По словам Энгельса, историко-критическая школа в русской литературе (Добролюбов и Чернышевский) бесконечно превзошла все, что сказано в этом отношении официальной наукой Франции и Германии.

В своем письме к Энгельсу русская эмигрантка Е. Пап-риц высказала мысль, что русские революционеры живут больше чувством, а „прочных принципов“, „настоящих научных знаний“ не имеют. На это Энгельс ответил ей указанием:

„Мне кажется, что вы несправедливы к вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой“. (Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. XXVII, стр. 389).

Энгельс называет Добролюбова революционным социалистом. Из приведенных высказываний Маркса и Энгельса мы

видим, какую высокую оценку они давали деятельности Добролюбова и Чернышевского.

Достаточно указать, что критические и исторические работы Добролюбова и Чернышевского основоположники научного социализма считают много выше всего того, что создано представителями цензурной науки во Франции и Германии, несмотря на то, что последние имели к своим услугам максимально благоприятные условия для научной деятельности, а Добролюбов и Чернышевский работали в суровых условиях: цензурных, материальных и всяких иных. Деятельность Добролюбова и Чернышевского была для Маркса и Энгельса симптомом накопления в России революционных сил. Вера в революционное будущее России была для Маркса и Энгельса в известной мере связана с именами Добролюбова и Чернышевского.

Такова та высокая оценка, которая давалась основоположниками марксизма — Марксом и Энгельсом Добролюбову.

Эта высокая оценка Добролюбова основоположниками марксизма отражает их отношение к русской буржуазно-демократической крестьянской революции, крупнейшим идеологом которой они, наряду с Чернышевским, считали и Добролюбова.

Маркс и Энгельс уже со второй половины 60-х годов прошлого столетия рассматривали революционное движение в России, как неразрывную часть общеевропейской революции, устанавливая теснейшую связь между судьбами крестьянского движения в России и интересами европейского пролетариата. Маркс писал Энгельсу в самом начале 1860 г.: „По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время,—это с одной стороны американское движение рабов, с другой стороны — движение рабов в России (т. XXVII стр. 474).

Уже накануне 60-х годов Маркс и Энгельс усматривали в России наличие революционной ситуации: „В России началась революция“ (том XXII, стр. 362), писал Маркс в 1858 г. Маркс и Энгельс считали, что освободительное движение поработенного крестьянства в России имеет всемирно-историческое интернациональное значение, как мобилизация сил важнейшего союзника пролетарской революции в Европе.

Экономические, политические и литературно-критические труды Добролюбова характеризуются Марксом и Энгельсом, как яркое и глубокое отражение революционных событий эпохи XIX столетия в России и показывают, что Россия тоже начинает участвовать в общем движении нашего века. Отсюда исключительное внимание Маркса-Энгельса к революционному движению в России и исклю-

чительная высокая оценка с их стороны революционерв-шестидесятников.

Таким образом, Маркс и Энгельс чрезвычайно глубоко уважали и ценили Добролюбова и считали его лучшим представителем социалистической и революционно-демократической мысли России 60-х годов, лучшим представителем того „наследства“, которое принимали от прошлого русские революционные марксисты, выступая на историческую арену.

Творцы научного коммунизма ценили в Добролюбове глубину его философской мысли, революционную честность и последовательность, гармоническое объединение теории и практики, личной жизни и убеждений, глубокую веру в народ, необычайную разносторонность и глубокую эрудицию, оригинальность и самостоятельность, как публициста и философа, критическую пронизательность могучего ума, смелого бойца и непримиримого революционера. Вот как оценивали Маркс и Энгельс облик этого страстного бойца и мыслителя Добролюбова.

Ленин, вслед за Марксом и Энгельсом, тоже очень высоко оценивал политические и теоретические взгляды Добролюбова. Жизнь и деятельность Добролюбова Ленин считал образцом настоящей любви к родине, — любви, „тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения“. Добролюбов напряженно и страстно боролся за то, чтобы превратить тюрьму народов, какой была царская Россия, в любимую родину-мать. Добролюбов вместе с Чернышевским стояли во главе „крайне немногочисленных революционеров (Ленин) шестидесятых годов прошлого века. Добролюбов был, по оценке Ленина, борцом, одним из молодых штурманов будущей бури, сумевшим в незрелых условиях тогдашней российской действительности занять позицию последовательного революционного демократа. Ленин в своей борьбе против оппортунизма, ренегатства, предательства неоднократно ссылался на традиции, связанные с именем Добролюбова. Вся литературно-критическая деятельность Добролюбова была исполнена ненависти к произволу и самодержавию. Ленин, ссылаясь на пример Добролюбова, доказывал наличие в России последовательно революционной линии в борьбе против самодержавия и феодализма. Ленин писал, что:

„Добролюбов дорог всей образованной и мыслящей России, как дорог писатель, яростно ненавидевший произвол, страстно ждавший восстания против „внутренних турок“, против самодержавного правительства“ (Ленин т. IV стр. 346).

В своей статье „Либералы и свобода союзов“ Ленин противопоставляет революционно-последовательный демократизм Добролюбова и Чернышевского реформизму либералов.

„Подобное положение было при отмене крепостного права. Последовательные демократы Добролюбов и Чернышевский справедливо высмеивали либералов за реформизм, в подкладке которого было всегда стремление укоротить активность масс и отстоять кусочек привилегии помещиков, вроде выкупа и так далее“ (Ленин т. ХХХ, стр. 211).

Революционная последовательность, принципиальность и самостоятельность Добролюбова и Чернышевского выгодно отличает их не только от либеральной русской буржуазии, но и от многих представителей левого лагеря. Ленин относил Герцена к предшественникам русской социал-демократии, но в то же время подчеркивал, что:

„Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму“ (Ленин. Собр. соч. т. XV, стр. 467).

Ленин противопоставлял последовательность революционной позиции Добролюбова предательской тактике социал-оппортунистов в России и Европе. Добролюбову, как страстному борцу, приходилось защищать интересы крестьянства на подневольном языке легальной печати и тем не менее писал Ленин:

„Даже в крепостной России Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов, говоривших точь в точь такие речи, как Турати и Каутский“ (Ленин, т. XIX стр. 371).

В „очередных задачах советской власти“ Ленин снова возвращается к этому сопоставлению и пишет:

„Современным „социал-демократам“ оттенка Шейдемана или, что почти одно и то же, Мартова, также претят Советы, их также тянет к благопристойному буржуазному парламенту, или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова Чернышевского“ (Ленин, т. XXII стр. 467).

В этих положениях Ленина мы не можем не видеть четкого ответа на вопрос: чьим предшественником

в истории общественно-политической мысли в России является Добролюбов. Страстная и непримиримая вражда Добролюбова к крепостничеству, к самодержавно-полицейскому режиму, блестящая критика Добролюбовым капиталистической эксплуатации и реакционной политики буржуазного государства в России, глубокая вера Добролюбова в славную будущность великого русского народа и наступление строя, в котором обретет свое счастье все человечество, ставят его в почетный ряд великих предшественников российской революционной социал-демократии.

Ленин считал эпоху Добролюбова и Чернышевского такой эпохой, „когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, нераз'единенное целое“. 60-ые годы, по характеристике Ленина, являются одной из напряженнейших эпох в развитии русской общественной мысли.

Как подлинный представитель мужицкого демократизма, Добролюбов выступил на историческую арену в то время, о котором Энгельс писал: „Старая Россия безвозвратно сошла в могилу в тот день, когда умер Николай I. На ее развалинах воздвигается Россия буржуазная“ (см. Энгельс „Социализм в Германии“, стр. 13).

Развитие капитализма в России породило ту социальную группу, представлявшую продукт основных классов крепостничества, которая известна под именем „разночинцев“. Выходны из крестьянской, мещанской городской среды, из низов духовенства, представители народившейся в России интеллигенции—они в передовой своей части были подлинно демократичны. Они представляли новое молодое, революционное поколение; „молодые штурманы будущей бури“,—звал их Герцен.

Таким буревестником и был Добролюбов.

II

Вся его биография крайне несложна. Ее рассказал Некрасов на похоронах Добролюбова всего лишь в нескольких словах: „Бедное детство, бедное полуголодное учение; потом четыре года лихорадочного неутомимого труда и, наконец, год за границей, проведенный в предчувствиях смерти, вот и вся биография Добролюбова“.

Николай Александрович Добролюбов родился в 1836 г. в Нижнем-Новгороде в семье священника. Отец обладал замкнутым характером, целиком был поглощен обязанностями священника. Добролюбов относился к отцу скорее с уважением, чем с любовью. К матери же женщине ум-

мой и сердечной, у него была самая глубокая, самая нежная любовь. Добролюбов учился в духовном училище и духовной семинарии. Оказавшись самым юным в классе, Добролюбов выделялся среди всех учеников своей подготовкой и начитанностью.

Отметки о поведении Добролюбова в семинарский период—это типичные отметки образцового и благонравного ученика. Мы встречаем такие характеристики: „Отличается злостью, скромностью и послушанием“, „Отличается неутомимостью в занятиях“.

С осени 1852 г. Добролюбов начал усиленно помышлять о высшем учебном заведении. Осенью 1853 г. Добролюбов поехал в Петербург поступать в духовную академию. Он поступает, однако, не в академию, а в главный педагогический институт. Сдал вступительный экзамен и был принят на историко-филологический факультет. В институте был кружок, участником которого стал и Добролюбов. В кружке занимались вопросами философии, политики, истории, литературы. Добролюбов много читал, изучал Руссо, Прудона, Бауэра, Штрауса, Фейербаха, Белинского, Герцена, следил за журналами—„Отечественные записки“, „Современник“, где увлекался статьями Чернышевского.

Весной 1854 г. над Добролюбовым разразилось страшное несчастье: умерла от родов его мать. Письма Добролюбова той поры к отцу и родным полны потрясающей скорби. В «Дневнике» он пишет: „Мать моя, милая, дорогая моя. Я всего лишился в тебе. Видишь, я плачу... Мне тяжело, мне горько. Неужели же расстояние между нами так непроходимо, что и материнское сердце не услышит мольбы страдающего сына... Мое положение так горько, так страшно, так отчаянно, что теперь ничто на земле не утешит меня“. Осенью в 1854 г. от холеры умер отец. На попечении Добролюбова осталась большая семья. Добролюбов хотел бросить институт, чтобы кормить семью, но сирот приютили родные и знакомые и Н. А. Добролюбов мог продолжать свое образование.

К первой половине 1856 г. в жизни Добролюбова относится величайшей важности событие—его знакомство с Чернышевским. „Этот человек, писал А. Н. о Чернышевском, может примирить с человечеством людей самых ожесточенных житейскими мерзостями. Столько благородной любви к человеку, столько возвышенности в стремлениях и выказанной просто, без фразерства, столько ума строго последовательного, проникнутого любовью к истине“. На это чувство юноши Чернышевский отвечал такой же любовью и уважением. Между ними завязалась и осталась навсегда глубочайшая дружба. Осенью 1857 г. Добролюбов блестяще закончил курс института.

Вот характеристика, которая была дана Добролюбову за время нахождения его в институте: „Николай Добролюбов—трудолюбив, требователен, не сочувствует распоряжениям начальства, холоден в исполнении религиозных обязанностей, заносчив, склонен к ябеде, подвергался аресту“. Осенью 1857 г. Добролюбов стал постоянным сотрудником „Современника“, а затем и одним из его редакторов.

По инициативе Добролюбова при журнале возникло особое приложение—знаменитый „Свисток“. Добролюбов был вдохновителем и весьма активным участником „Свистка“, особенно едко высмеивавшего умеренных либералов. Добролюбов умел смеяться весело и звонко, умел заставить смеяться самых хмурых читателей и это заразительное остроумие приводило врагов в такое же бешенство, как и его серьезность. Добролюбов обладал замечательным искусством изобличения в противнике самой слабой его и смешной стороны. Смешное убивает. Добролюбов, который умел весело смеяться, умел оценить хорошую шутку, сделал из смеха серьезное оружие против врага. Знаменитый „Свисток“ был не просто юмористическим приложением к „Современнику“, в нем смех был поднят до высоты политической сатиры.

Тяжесть работы Добролюбова, при которой он, как правило, просиживал за чтением или писанием до 4 часов ночи, скоро дала себя знать. В конце мая 1860 г. Добролюбов выехал за границу. Н. А. осознал серьезность своего положения: „За границу за саваном поехал“—с горечью писал он в одном письме.

Летом 1861 г. больной Добролюбов вернулся в Россию и прибыл в Петербург.

На руках Чернышевского и Панавой Добролюбов умер 17-го по старому—29 ноября по новому стилю 1861 года. Жизнь его угасла в 25 лет.

О потрясающем впечатлении, произведенном смертью Добролюбова на близких ему людей, дают представления слова Чернышевского из его письма: „Когда увидимся с Вами, поцелуемся и поплачем вместе о нашем друге... Вот уже редкий день проходит у меня без слез... Я тоже полезный человек, но лучше бы я умер, чем он... Лучшего своего защитника потерял в нем русский народ“. Чернышевский нашел в Добролюбове соратника и друга. Недаром он любил Добролюбова как сына и даже больше, чем родных сыновей.—„Я люблю его сильнее, чем Сашу или Мишу“. Добролюбов поистине был богатырем по силе характера, по силе творческого дерзания. Чернышевский в следующих словах подчеркивает место и значение Добролюбова для будущего поколения“. О, как он любил тебя,

народ! До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем хотел он тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих“.

Эти слова великого русского революционера-мыслителя оказались пророческими. Советский народ глубоко чтит память и изучает жизнь, деятельность и борьбу тех, кто, по словам Чернышевского, „опережая свою эпоху, имели славу предусматривать зарю грядущего дня, имели мужество приветствовать его приход“.

Революционный пролетариат является единственным наследником всего прогрессивного, что создано человечеством, в том числе и русской классической философии. Счастливый советский народ сталинской эпохи с глубоким уважением относится к своему прогрессивному прошлому. Он высоко чтит память о тех мужественных борцах и мыслителях, которые бросили вызов самодержавно-крепостническому строю, с неумолимой жестокостью преследовавшему малейшие проявления свободной прогрессивной мысли.

Тов. Сталин в своей речи на приеме в Кремле работников высшей школы говорил замечательно по своей ясности, глубине и правде о таких мужественных борцах и мыслителях.

Сталин говорил, что „наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему“. Мы можем смело сказать, что среди них Добролюбов занимает видное место, отважного, пламенного страстного борца и мыслителя, против произвола и реакции царизма.

Добролюбов показал во всей ужасающей наготе гнусное русское самодержавие и крепостное право. Он требовал уничтожить и то и другое. Добролюбов звал своих друзей на труд и битву, звал их сплотиться на почве упорной, последовательной работы по воспитанию революционных чувств народа. Другом для Добролюбова мог быть только тот, кто следовал вместе с ним по тернистой дороге зачинателей организованной революционной борьбы народа против самодержавия. Последовательный революционный демократ и социалист Николай Александрович Добролюбов формулировал свой идеал, свою мечту простыми, для всех доступными мужественными словами:

„Чтобы всем было хорошо“

Или:

Я Ваш, друзья; хочу быть вашим,
На труд, на битву я готов...

Вставай же, Русь, на подвиг славы,
Борьба велика и свята.
Возьми свое святое право
У подлых рыцарей кнута.

И на Руси освобожденной
Явится русский гражданин,
И в царстве знаний и свободы
Любовь и правда процветут
И просвещенные народы
Нам братски руку подадут.

В словах Добролюбова сияла страстная надежда на то, что наступит когда-нибудь светлый день для человечества, освобожденного от угнетателей и эксплуататоров. Эти слова Добролюбова оказались пророческими. Этот светлый день уже наступил для трудящихся одной шестой части земного шара.

Добролюбов был прав: самые смелые мечты его осуществлены в нашу сталинскую эпоху рабочим классом под руководством гения политического разума — Иосифа Сталина. Каждая строка, написанная Н. А. Добролюбовым, пронизана неугасающей ненавистью к произволу, к самодержавию и ни на минуту не умолкающим призывом к революции. Н. А. и есть один из мужей науки, о которых говорил тов. Сталин, „смело ведущих борьбу против устаревшей науки и прокладывающих дорогу для новой науки“.

Для остроумного и блестящего критика — марксиста, большевика Воровского, Добролюбов был ценен тем, что он, как просветитель, как революционный демократ, по духу своего учения, по методу мышления, ближе к современному марксизму, чем к народникам 70-х—80-х годов, которые обесцветили наследие пламенных демократов. Вот почему имя Добролюбова, как „мужа науки“ (Сталин), принадлежит социалистической истории и мы — новые поколения сталинских борцов — вспоминаем о нем с любовью и благодарностью, как о муже науки, как об одном из наших идейных предшественников.

III

Материализм Добролюбова

Краеугольным камнем мировоззрения Добролюбова была материалистическая философия знаменитого немецкого материалиста Людвиг Фейербаха (1804—1872 г.)

Но, спрашивается, почему Добролюбов законно считал Фейербаха своим духовным предшественником? Что взял Добролюбов у Фейербаха? И какое освободительное вли-

яние имела материалистическая философия Людвига Фейербаха на формирование мировоззрения Добролюбова?

В период 60-х годов, по характеристике Ленина, материалистическая философия Л. Фейербаха была революционным идеалом передовой буржуазной демократии или революционной буржуазной демократии (Ленинск. сборник т. XII, стр.111).

В чем сущность философии Фейербаха?

В 1841 г. появилась знаменитая книга Фейербаха „Сущность христианства“, которая произвела переворот в умах тогдашней германской интеллигенции. с восторгом встречена была Марксом и Энгельсом. „Кто не пережил освободительного влияния этой книги, говорил Энгельс, тот не может и представить его себе“.

„Мы все были в восторге и все мы стали на время последователями Фейербаха. С каким воодушевлением приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него“ (Энгельс. „Л. Фейербах“, стр. 16).

По словам Энгельса, Фейербах и дал умственному движению своего времени „могучий толчок“—(см. соч. Маркса и Энгельса, т. XIV, стр. 661).

Историческое значение Фейербаха, Маркс и Энгельс видели в его решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении торжества материализма. Открытое провозглашение материализма было огромным шагом вперед в истории общественной мысли. Фейербах провозглашает материалистическую точку зрения по вопросу о соотношении бытия и сознания. Реальный об'ективный мир, по Фейербаху, существует вне и независимо от сознания. Мышление, говорит Фейербах, не причина бытия, а ее свойство. Бытие определяет сознание. Человек же лишь часть бытия, часть природы.

„Природа существует независимо от какой бы то ни было философии—так излагает Энгельс взгляды Фейербаха. Она—природа—есть основание, на котором вырастаем мы, люди, ее произведения. Вне природы и человека нет ничего“ (Энгельс. „Л. Фейербах“ стр 16).

Основным вопросом всякой, а особенно новейшей, философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе. Идеализм признает примат духа над природой, материализм утверждает примат природы над материи. С точки зрения материалистической философии не материя порождается духом, а дух представляет собой высшее порождение материи.

Фейербах писал:

„Истинное отношение мышления к бытию может быть только таким: мышление обуславливается бытием,

а не бытие мышлением. Бытие обуславливается самим собою, имеет свою основу в самом себе“ (Л. Фейербах, собр. соч., т. I, стр. 271, 1933 г.).

В другом месте Фейербах продолжает ту же мысль:

„Мышление из бытия, но не бытие из мышления, бытие есть из себя и через себя, бытие дано только посредством бытия, бытие имеет свое основание в себе“ (Л. Фейербах, собр. соч., т. I, стр. 71 „Предварительные тезисы к реформе философии“).

Таким образом, учение Фейербаха представляет собою материализм. Его руководящим принципом является признание того, что не мышление определяет бытие, а, наоборот, бытие определяет мышление. Природа существует независимо от мышления, сама по себе. Она есть первичное, независимое, бесконечное. Не материя есть продукт духа, а, наоборот, дух есть высший продукт материи.

„Материя—пишет Фейербах—составляет для разума существенный предмет. Если бы не было материи, разум не имел бы никакого содержания. Нельзя устранить материю, не устраняя в то же время разум“.

Объектом философии Фейербах считает внешний мир, природу, то, что существует, независимо от субъекта.

Природа—базис духа и поэтому она должна быть также и базисом философии.

В противоположность Гегелю Фейербах в качестве источника познания выдвигает чувственность. О существовании внешних предметов мы знаем только посредством чувства, а не отвлеченного мышления. Посредством чувства человек приходит в соприкосновение с объектом действительности. Для Фейербаха объектом чувства является действительность, бытие то, что существует вне меня и независимо от меня. Мои ощущения, по Фейербаху, субъективны, но их основания объективны.

„Объект, говорит Фейербах, не только предмет наших ощущений, он является также основанием, условием, предпосылкой ощущения“.

Наши ощущения вызываются воздействием вещей на органы чувств. Мышление, по Фейербаху, не что иное, как свойство живого телесного человека и его мозга. Сам человек—часть природы, плоть от плоти ее. Ленин следующим образом характеризует теорию познания Фейербаха:

„Ощущение есть результат воздействия объективно, вне нас существующей вещи в себе на наши органы чувств, такова теория Фейербаха. Ощущение есть субъективный образ объективного мира“ (Ленин, „Материализм и эмпириокритицизм“, стр. 97).

Итак, Фейербах, как материалист, признает об'ективную закономерность в природе, об'ективную причинность, отражаемую лишь приблизительно верно человеческими представлениями о порядке, законе и проч.

„Признание об'ективной закономерности природы, — пишет Ленин, — находится у Фейербаха в неразрывной связи с признанием об'ективной реальности внешнего мира, предметов, тел, вещей, отражаемых нашим сознанием. Взгляды Фейербаха последовательно материалистические“ (Ленин. „Материализм и эмпириокритицизм“, стр. 127, изд. 1931 г.)

Таким образом, философское учение Фейербаха, точнее — его материализм, имело огромное историческое прогрессивное значение для борьбы материализма против идеализма и для преодоления „всемогущей“ гегелевской философии. Величайшая историческая заслуга Фейербаха заключается именно в том, что он открыто провозгласил торжество материализма. Вот эту бодрую, смелую, жизнерадостную, материалистическую философию и усвоил Добролюбов и остался верным и убежденным последователем ее до конца своей жизни. Недаром Ленин считал материалистическую философию Фейербаха идеалом передовой буржуазной демократии, или революционной буржуазной демократии.

Эта революционно-материалистическая философия была воспринята русским великим последовательным демократом и вождем крестьянской революции Добролюбовым.

Как решает Добролюбов основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе? Что чему предшествует, дух природе, или природа духу? Что является первичным: материя или сознание? Или, по выражению Энгельса, „что является изначальным: дух или природа?

Добролюбов решает основной философский вопрос в духе Фейербаха.

Добролюбов провозглашает материалистическую точку зрения по вопросу о соотношении бытия и сознания. Он считает, что мышление из бытия, но не бытие из мышления, бытие есть из себя и через себя, бытие дано только посредством бытия, бытие имеет свое основание в себе, и без бытия ничего не существует. Реальный об'ективный мир существует вне и независимо от человека и от человечества.

Добролюбов, как материалист, учит, что существует только природа, материя. Природа безгранична, бесконечна, она существует вечно. Природа не нуждается ни в какой сверхъестественной силе для произведения великого

многообразия окружающих нас существ, вещей, явлений. Она сама по себе деятельна, активна. Наша земля—лишь небольшая частица вселенной. Человек,—в глазах Добролюбова—дитя природы, одно из ее высших порождений, человек подчинен в своих действиях ее законам. Природа для Добролюбова едина, в ней все связано и из одного состояния превращается в другое: мертвое—в живое, чувствующее существо, последнее—в мыслящее. Для материализма Добролюбова основным является положение, что материя существует вне и независимо от сознания, что она оказывает воздействие на органы чувств человека, вызывая ощущения, что она есть об'ективная реальность, данная в этих ощущениях. Основным положением материализма Добролюбова является утверждение о первичности материи по отношению к сознанию, которое является вторичным, т. е. свойством или проявлением материи. Не материя порождается духом,—говорит Добролюбов,—а дух сам есть высочайший продукт материи. Это утверждение Добролюбова, конечно, чистейший материализм. Следовательно, дух, ощущение, по Добролюбову, нельзя рассматривать, как нечто самостоятельно существующее, что свойственно идеализму. Их нельзя отрывать от материи. Материя,—есть первичное. Ощущение, мысль, сознание, дух есть высший продукт особым образом организованной материи. Таковы взгляды материализма Добролюбова вообще и Маркса-Энгельса в частности (см. Ленин, собр. соч. т. XIII стр. 45). Чтобы не сомневаться в этих утверждениях Добролюбова, обратимся к его высказываниям.

„Да ведь что же составляет материал мысли,—говорил Добролюбов,—как не познание внешних предметов? Возможна ли мысль без предметов; не будет ли она тогда чем-то непостижимым, лишенным всякой формы и содержания? Ведь защищать возможность такой беспредметной и бесформенной мысли решительно значит утверждать, что можно сделать что-нибудь из ничего“ (Добролюбов, полн. собр. соч., т. III стр. 241, 1936 г.)

Как видно, для Добролюбова реальный об'ективный мир является основой человеческой мысли. Материя, природа, предмет составляют для мысли существенный предмет. Если бы не было материи, разум, мысль не имели бы никакого содержания. Нельзя устранить материю,—говорил Добролюбов,—не устраняя в то же время и разум. Предмет, следовательно, лежит в основе познания человеческой мысли, следовательно, нельзя мысль рассматривать как нечто самостоятельно существующее, нельзя её отрывать от материи, от предмета.

Добролюбов—последователь антропологического материализма Фейербаха.

Добролюбов стоит на Фейербахианской точке зрения единства субъекта и объекта. Исходя из единства человеческого организма, он доказывает и материальное единство всего мира и наличие в нем единой закономерности. Добролюбов, решительно отвергая всякий дуализм в природе и мышлении, настаивая на единстве природы во всех ее проявлениях, последовательно развивал ту мысль, что человек есть лишь высший продукт органической жизни и что все явления человеческого организма, как физические, так и психические, подлежат общим законам природы и ими только объясняются. Принцип единства человеческого организма требует, чтобы на человека смотрели, как на одно существо, имеющее только одну природу, чтобы человеческую жизнь не разрывали на разные половины, относя их к различной природе.

Таким образом, антропологический принцип Добролюбова утверждает единство человека и отрицает деление его на две различные сущности—материальную и духовную.

„Антропология,—пишет Добролюбов в духе Фейербаха,—доказала нам ясно, что прежде всего все усилия наши представить себе отвлеченного духа без всяких материальных свойств, или положительно определить, что он такое в своей сущности, всегда останутся совершенно бесплодными. Затем наука объяснила, что всякая деятельность, обнаруженная человеком, лишь настолько и может быть нами замечена, насколько обнаружилась она в телесных, внешних проявлениях, и что, следовательно, о деятельности души мы можем судить только по ее проявлению в теле“ (Добролюбов, полн. соб. соч., т. VII, стр. 114—115).

Добролюбов, отправляясь от философии Фейербаха и данных естествознания, подчеркивал материально обусловленное органическое единство человеческой природы. Великий материалист Добролюбов рассматривает человека, как чисто физическое материальное существо, как дело рук природы“, составляющее часть „великого целого“ природы—и настолько подчиненное ее законам, что она даже в мысли не может выйти за ее пределы. Великую заслугу новейшей науки Добролюбов видел в опровержении дуалистического и идеалистического учения о раздвоении человека на тело и, якобы, не зависящий от него дух.

„Нужен был взгляд более широкий и более ясный, нужно было привести к единству то, что доселе намеренно раз'единялось; нужно было обобщать то, что

не представлялось до тех пор каким-то отдельным, ничем не связанным с частями. В этом возведении видимых противоречий к естественному единству — великая заслуга новейшей науки“ (Добролюбов, собр. соч. т. VII стр. 115).

Подобно Фейербаху и Чернышевскому, явившимся поборниками „антропологического принципа“ в философии, Добролюбов отстраивался от человека, от признания единства физической и духовной природы человека; антропологизм материализма Добролюбова сказывался в его непонимании того, что сущностью человека является совокупность общественных отношений. В понимании Добролюбова человек был лишь созданием природы—ее естественным продуктом. Он не понимал того, что человек—существо общественное, продукт общественных отношений. Человек в представлении Добролюбова, как и Фейербаха, выступал лишь в роли созерцателя природы, наблюдающего и воспринимającego эту природу, размышляющего о ней, но вне учета активного воздействия человека на природу, вне учета общественной революционизирующей мир практики человечества.

Маркс справедливо критикует Фейербаха за то, что он не достигает понимания чувственного мира, как совокупной, живой, чувственной деятельности составляющих ее индивидов.

Указывая на узость термина Фейербаха и Чернышевского „антропологический принцип“ в философии, В. И. Ленин писал: И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания материализма (Ленин, Философские тетради, стр. 73).

Материалист Добролюбов был детерминистом, ярким противником телеологии. В противоположность телеологии и идеализму для русского материалиста не существует ничего кроме природы, этого «великого целого», существующего само по себе и действующего строго закономерно, как единый непрерывный ряд причин и следствий. Добролюбов признавал присущую природе объективную закономерность, объективный характер связи причин и действий.

Понятие причинности, возникающее в человеческом мышлении, Добролюбов вслед за Фейербахом считал отражением объективной причинной зависимости, существующей между явлениями. Уже в детстве в результате накопления сведений об окружающем мире и собственных действиях в сознании человека „образуется известное обозрение отношений места, времени, причины и действия“ (Добролюбов, полн. собр. соч., т. III, стр. 444).

Отметив весьма раннее развитие в детях способности к аналогии и классификации, Добролюбов писал:

«То же самое нужно сказать и о понимании связи между причинами и следствиями. Ожогши один раз палец на свечке, ребенок в другой раз уже не схватит свечи рукою... Всякое дитя ласкается к тому, кто его ласкает, и удаляется от того, в ком встречает грубое обращение и т. д.» (там же стр. 26).

Добролюбов, как материалист, признает об'ективную закономерность в природе, об'ективную причинность, отражаемую лишь приблизительно верно человеческими представлениями о порядке, законе и проч. Указания Ленина, что «для Чернышевского, как и для всякого материалиста (в том числе и для Добролюбова.—С. А.) в действительности есть то, что представляется нам связью причины с действием, есть об'ективная причинность или необходимость природы» целиком характеризует и понимание причинности Добролюбовым (см. Ленин, т. XIII, стр. 229).

Величайшей заслугой Добролюбова является его материалистический монизм. Весь мир он рассматривал, как единый и целостный, подчиненный единым законам. Он повсюду проводит принцип всеобщей причинной обусловленности. Закономерность, по учению Добролюбова, носит об'ективный характер, присущий самому внешнему миру. Он совершенно изгоняет телеологию из учения о природе.

Субстанция есть имманентная, внутренняя причина всех вещей, не существует никаких причин вне субстанции, природы.

Будучи детерминистом, Добролюбов резко и справедливо критиковал телеологическое понимание связей явлений внешнего мира. Телеология—„теория“ целесообразности, гласящая, что явления в мире обуславливаются влиянием целесообразно действующих сил, которые их направляют к заранее установленным конечным целям. Если идеалист Савич считал, что свойства материи направлены к заранее указанной цели, которая определяется „идеей организации“, то Добролюбов решительно выступал против подобной постановки вопроса, разоблачая ее убожество и несостоятельность.

«Пора бы отстать,—писал Добролюбов,—и от отвлеченных идей, по которым, будто бы, образуется жизнь, точно так, как отстали, наконец, от телеологических мечтаний, бывших в такой моде во времена схоластики. Бывало, ведь добрые люди пренаивно рассуждали, как это удивительно глаз приоровила природа к тому, чтобы видеть: и зрачки, и сеточка, и оболочка—все точно, нарочно так уже и приделано,

чтобы видеть, и никак ведь не хотели сообразить добрые люди, что не потому так глаз устроен, что нам такая крайняя есть необходимость видеть и видеть именно вверх ногами и в миниатюре, а просто видим мы, и видим так, а не иначе именно потому, что глаз наш так уж устроен. Или удивлялись, как реки текут: воде, видите ли, надо всегда вниз бежать, и — непостижимая предусмотрительность природы: — в каждом месте, где река течет, непременно в русле есть склон: ну, вода то и течет себе свободно. Добрые люди и того не хотели подумать, что река по склону то именно и течет: не будь его вправо, так она пойдет влево, а не станет дожидаться, куда под нею склон образуется. Нет, по мнению добрых людей, если Волга течет в Каспийское море, так это потому единственно, что она питает особенное невещественное, идеальное сочувствие к Каспию и в силу такой идеи она должна была непременно дойти именно до Каспия, хотя бы целые Альпы встретились ей на дороге» (Добролюбов, полн. собр. соч., т. I, стр. 206-207).

Такой „успокоительный“ взгляд на жизнь Добролюбов называл „покорным мирозерцанием, подчеркивал его фаталистическую направленность, что все существующее имеет некую predeterminedительную цель и, разумеется, безусловно его отвергал.

В своей замечательной статье „О степени участия народа в создании художественной литературы“ Добролюбов дает резкую критику идеалистического направления в философии против того, что мир идей является сущностью мироздания. Добролюбов резко выступал против идеалиста Платона и других идеалистов, рассматривавших мир вещей, действительных явлений жизни, природы, как производное от мира идей. Философия Платона, — говорит Добролюбов, — есть первая, разработанная в древности система об'ективного идеализма. Истинно сущим бытием Платон провозгласил не мир чувственных вещей, всегда возникающих и погибающих, изменчивых и относительных, но мир запредельных чувственным вещам „идей“ — вечных, не возникающих и не погибающих, неизменных, самобытно существующих и безотносительных.

Таким образом, — говорит Добролюбов, — для идеалиста Платона мир идей первичен, а мир вещей, об'ективная реальность материи, вторично производна — лишь отражение мира идей. Учение Платона, подчеркивает Добролюбов, — есть идеализм об'ективный, а не суб'ективный, так как, по Платону, „идей“ существуют совершенно

самобытно и независимо от существования познающего их субъекта.

„Идеи“, будучи запредельными, постигаются, согласно утверждению Платона, только умом, или разумом без всякой примеси чувственного познания. Истинное знание не только не исчерпывается чувственным восприятием, но истинное знание вообще не может иметь источником чувственное восприятие.

Таким образом, отрицание значения чувств, как источника знания, отрицание объективной реальности, как источника ощущения, характеризует идеалистическую теорию познания Платона. Его теория сверхчувственного знания направлена против Левкиппа, Демокрита, против „реализма“, т. е. материализма вообще. Вот как характеризуется существо философии Платона Добролюбовым. Он пишет:

„Пора нам освободить жизнь от тяжелой эпохи, налагаемой на нее идеологами (читай: идеалистами.— С. А.). Начиная с Платона, восстают они против реализма (читай материализма) и, еще, не понявши хорошенько, перепутывают его учение. Непременно хотят дуализм, хотят делить мир на мыслимое и явленное, уверяя, что только чистые идеи имеют настоящую действительность, а все явления, т. е. видимое, составляют только отражение этих высших идей. Пора бы уже бросить такие платонические мечтания и понять, что хлеб не есть пустой значек, отражение высшей отвлеченной идеи, жизненной силы, а просто „хлеб“—объект, который можно съесть. (Добролюбов, т. I, стр. 205, 1934 г.).

Здесь Добролюбов превосходно показывает дуалистичность учения Платона о мире идей и мире вещей. Добролюбов наглядно показал, что творец объективного идеализма—Платон раздваивает мир на окружающий—чувственно воспринимаемый мир,—мир явлений, как бедную копию действительного потустороннего мира понятия идей, как прообраза всех вещей. Добролюбов, подчеркивая в духе материалистической философии Фейербаха зависимость психического, духовного, от физического, материального, мысли от мозга, он указывает на бесплодность и бесполезность попыток представить себе отвлеченного духа без всяких материальных свойств, или положительно определить, что он такое в своей сущности, и утверждает, что «о деятельности души мы можем судить только по ее проявлению в теле».

Мысль, которая изображается идеалистами, как особая независимая от тела сущность или свойство души, рассматривается Добролюбовым, как одно из свойств материи.

Добролюбов, как воинствующий материалист, неоднократно утверждал, что в природе существует только одна и именно материальная субстанция. Материя несотворима и неуничтожима; она существует сама по себе, независимо от человеческого сознания, и все производит из себя вследствие внутренне присущей ей активности. Добролюбов вообще никогда и нигде не впадает в скептицизм относительно реальности первооснов мира, он не мучается сомнениями—существует или не существует внешний мир. Этот вопрос для него предрешен, он от этого отправляется.

Задача для Добролюбова сводится к тому, чтобы понять природу так, как она есть сама в себе, „чтобы понять ее независимо от нашего сознания, независимо от того, „как она воспринимается внешними чувствами человека“. Добролюбов зло и уничтожающе издевается над субъективно-идеалистическими представлениями о мире. Материалистическое учение Добролюбова прямо направлено против теологов, против учения церкви, утверждающих, что все в мире сотворено богом. Разоблачая реакционное существо философии идеалиста и агностика Берви, утверждавшего, что вселенная является одушевленной целостностью, что материя порождена духовной силой (т. е. богом), Добролюбов клеймил его взгляды, как мистически-алхимические, как балаганное фиглярство.

„Он хочет,— писал Добролюбов о Берви,—чтобы физические исследования имели в виду не познание изменений и действий материи, а отыскание в материи—духа, архея, эфира, жизненной силы, словом, чего-нибудь, только чтобы это „что-нибудь“, не было положительным, материальным, а было что-нибудь „чувствам недоступное“. (Добролюбов, полное собр. соч., т. III, стр. 345).

Добролюбов, выступая против идеалиста Савича, требовавшего совпадения выводов науки с выводами религии, об'являвшего природу книгой, в которой „высшим“ разумом запечатлены «божественные» истины, Добролюбов отмечал, что Савич в своем идеалистическом парении совершенно теряет из виду всякие условия здравого смысла, цепляется за бездоказательную риторику.

„По г. Савичу,—говорит Добролюбов,—идея есть какое-то особенное животное, существующее само по себе, независимо от человеческого сознания и подчиняющее себе материю“. (Добролюбов, полное собр. соч., т. II, стр. 500).

Ни один сколько-нибудь образованный и сколько-нибудь здоровый человек не сомневается в том и прекрасно

знает, — говорит Добролюбов, — что такое человеческая идея, но представить себе идею без человека и до человека, как это делает г. Савич—есть вздор, мертвая абстракция, идеалистический выверт.

В самом деле, — указывает Добролюбов, — человеческое сознание или психическое есть производное от физического, если же абстракции психического придавать самостоятельное, независимое от природы, значение, то это равносильно признанию сверхестественного начала. Не мешает вспомнить слова Ленина о том, что «идея без человека и до человека, идея в абстракции, идея абсолютная есть телеологическая выдумка идеалиста Гегеля» (см. „Материализм и эмпириокритицизм“ стр. 186).

Добролюбов, как воинствующий материалист-монист, резко выступает против схоластической философии. Схоластическая философия была направлена не на действительность, не на жизнь, — говорит наш критик, — она, напротив, пряталась от жизни за стенами средневековых монастырей, чтобы посвятить себя служению богословским задачам. Основной проблемой схоластики была проблема существования бога. Схоласты доказывали, — говорит Добролюбов, — что бог существует, что мир есть продукт божественного творения, что материя есть злое начало, что человек греховен, поскольку он материален, что лишь после смерти тела душа освобождается от греха, что только в загробном мире, поэтому, люди могут найти искупление. Схоластическая философия была, таким образом, непосредственно и резко выраженной поповщиной. Философия в эпоху средних веков была целиком подчинена религии, была, как тогда говорили, служанкой богословия. Схоластическая философия, по Добролюбову, была идеалистична и метафизична. Идеалистична потому, что основой мира считала духовное начало — бога; метафизична потому, что в боге видела неподвижное и неизменное начало мира.

Понятие о дуализме души и тела, по мнению нашего философа, широко культивируется средневековой схоластикой. Средневековые схоласты, говорит Добролюбов, — рассматривали духовное и телесное в качестве противоборствующих начал, т. е. они были дуалистами. т. е. признавали два начала, две субстанции: духовную и материальную. Это решение вопроса Добролюбова в корне не удовлетворяло, он его считал порочным в самом основании. Отмечая реакционный характер этой средневековой схоластики, Добролюбов писал:

„Каким это образом, говорили они, душа наша может радоваться, когда тело чувствует боль? Как душа может не замечать предмета, когда глаза смот-

рят на него? Как душа может чувствовать холод, когда руки ощупывают предмет теплый непосредственно после горячего? и т. д. Противоречия были бесконечны, и из них схоластики,—без всякого права, впрочем,—выводили заключение, довольно курьезное, именно: душа, дескать, в человеке сама по себе и тело само по себе; одна действует по своим законам, а другое—по своим, совершенно особенным“ (Добролюбов, полное собр. соч., т. I, стр. 97, 1936 г.).

Мысль, которая изображается идеалистами, как особая независимая от тела сущность или свойство души, рассматривается Добролюбовым, как одно из свойств материи. Добролюбов с присущей ему строгостью мысли и железной силой логики доказывает, что в природе существует только одна и именно материальная субстанция, что само понятие материальной субстанции исключает представление о двух и более субстанциях. Материальная субстанция—основа всего существующего, сущность всего бытия—может быть только одна.

IV

Теория познания Добролюбова

Определив решение первой стороны основного вопроса философии: отношение мышления к бытию, мы переходим к рассмотрению другой стороны основного вопроса философии у Добролюбова, т. е. к вопросу, как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познать истинный мир? Способны ли мы в своих представлениях и понятиях о действительном мире давать правильное отражение действительности?

На этот вопрос материалистическая философия Добролюбова отвечает без колебаний утвердительно.

Материализм Добролюбова берет природу за первичное, дух—за вторичное. Следовательно, существование материи не зависит от ощущения. Природа, по Добролюбову, существовала всегда, вечно. Человек есть лишь продукт природы, ее высшее порождение. Следовательно, ощущение, мысль, сознание, есть, по учению Добролюбова, продукт особым образом организованной материи. Для Добролюбова сознание человека есть не что иное, как особое свойство определенного вида материи, весьма сложной по своему строению, возникающей на высоком уровне эволюции природы. Добролюбов этим своим утверждением нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на при-

роду, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а, следовательно, также и человек, суть продукты процесса продолжительного развития, длившегося миллионы лет. Человек не только не растение,—говорит Добролюбов,—но он отличается даже от всех других животных. Человек составляет вершину этой лестницы эволюции природы с бесконечным количеством ступеней, которые природа последовательно проходит одну за другой.

В мире,—говорит Добролюбов,—все подлeжит закону развития, и мозг человека есть высший продукт этого процесса развития.

Процесс развития жизни Добролюбову представляется в следующем виде:

В природе все идет постепенно от простого к более сложному, от несовершенного к более совершенному; но везде одна и та же материя, только на разных ступенях развития. Что же удивительного, если на одной ступени мы находим то, что не свойственно другой? В телах неорганических мы совсем не замечаем жизни в том виде, в каком она проявляется в телах органических; тем не менее и они подлежат изменениям как в объеме, так и во внутреннем своем составе. Наблюдая над ними, мы постоянно замечаем то механические, то химические процессы. Не есть ли это та же жизнь, хотя на низшей ступени развития? В растениях жизнь обозначается уже гораздо яснее, чем тела неорганические. В животном царстве обнаружение жизни еще ощутительнее. Животные имеют способность место перемещения; кроме того, мы замечаем в них проблески высшей жизненной деятельности.

И дальше Добролюбов указывает, что человек появился значительно позже, ибо он совершеннее. Совершенство не является делом одного дня—в области природы точно так же, как и в области искусства. Человек составляет самую высшую вершину эволюции природы.

Добролюбов продолжает:

„Человек, совершеннейшее из животных, составляет последнюю степень развития мировых существ и видимой вселенной; почему же в нем уже по одному этому не допускать того, чего мы не замечали в существах менее развитых? А если самую развитую часть человеческого тела составляет мозг, то отчего же не допустить, что мозг способен к такой деятельности, какой мы не замечаем в камне и дереве? Что мозг имеет тесную связь с психической деятельностью, к этому приводят нас весьма многие разительные

факты“. (Добролюбов, т. VII, стр. 583. «Основания опытной психологии»).

Таким образом, Добролюбов исходил из того, что человек есть часть материальной природы, совершеннейшее из животных, а мозг человека есть наиболее развитая часть его тела; мышление же является свойством (силой, по терминологии Добролюбова) мозга.

Добролюбов неоднократно указывает, что мышление является свойством тончайшей материи, он выдвигал правильное предположение, что мозг, как высоко развитая материя, именно в силу этого обстоятельства способен к деятельности, не наблюдаемой в иных органических и неорганических телах.

Добролюбов выясняет свою материалистическую позицию в вопросе об отношении психического и физического ощущения и мысли к мозгу. „Мозг человеческий,—говорит он,—есть тончайшая материя. Что же касается ощущения и мысли, то они составляют особые свойства при силе материи“. Мозг, по Добролюбову, есть источник высшей жизненной деятельности и умственных отправлений человека. Добролюбов, развивая свой материалистический взгляд, рассуждает:

„Нельзя говорить без языка, слушать без ушей, нельзя мыслить и чувствовать без мозга“. (Добролюбов, полн. собр. соч., т. III, стр. 101, 1936 г.).

Он неоднократно повторяет, что сознание без мозга столь же невозможно, как слушание без ушей, речь без языка. Для Добролюбова, следовательно, сознание и мышление порождаются мозгом—развитием его мысли, что человек мыслит только посредством своей чувственно существующей головы, разум имеет прочную чувственную почву в голове, мозгу, в месте сосредоточения чувств и т. д.

Добролюбов пишет:

„Ощущения внешних впечатлений совершаются не в самых органах чувств, а в мозгу“.

В другом месте он продолжает:

„Первоначальная причина всякого чувства—мозг“ (см. т. VII, „Органическое развитие человека“).

Следовательно, по мнению Добролюбова, мышление связано с мозгом, есть явление деятельности или функция мозга. Материя не есть продукт духа, а дух есть лишь высший продукт материи. Мышление и сознание,—заключает Добролюбов,—суть продукты человеческого мозга. Такая позиция материализма Добролюбова в этом вопросе. Чтобы не сомневаться в материалистическом решении этого вопроса Добролюбовым, достаточно сказать, что и Эн-

гельс и Ленин указывают, что мысль есть функция мозга, что наше сознание и мышление, как бы ни казались сверхчувственными, является продуктом (Erzeugniß) вещественного, телесного органа, мозга (см. Ленин—„Материализм и эмпириокритицизм“, ст. 71, 1931 г.).

* * *

Первый этап начала всякого познания,—говорит Добролюбов,—совершается именно через ощущения, ибо без ощущения у нас не было бы связи между человеком и материальным миром. Ощущение является непосредственной связью сознания с внешним миром. Все знания из опыта, из ощущений, из восприятий. Это, конечно, так. Но, спрашивается, принадлежит ли к восприятию, т. е. является ли источником восприятия об'ективная реальность? Откуда же берутся ощущения, что является источником? Вся материалистическая философия Добролюбова без колебаний утверждает, что первоисточником всей сложной психической жизни являются ощущения, сами же ощущения имеют свой источник во вне, во вне человека существующих предметах.

Добролюбов доказывает, что мышление не может заимствовать своих принципов из себя самого: формы бытия, мышления никогда не может почерпать и выводить из себя самого, а только из внешнего об'ективного мира.

Он пишет:

„Человек не из себя развивает понятия, а получает их из внешнего мира“ (Добролюбов, том VII, стр. 133 «Органическое развитие человека»).

Ощущение, как исторически, так и логически, есть первая ступень человеческого познания. Ощущения, хотя и представляют собою низшую ступень познания, дают более или менее верное отражение действительности. Рациональное познание, по мнению Добролюбова, должно иметь своей основой чувственное познание: познание, лишь прочно опирающееся на чувственности, в состоянии дать доказательство существования вещей вне нас. Человеческие ощущения,—говорит Добролюбов,—отражают об'ективное бытие предметов, существующих вне нас и независимо от нас. Философия, следовательно, должна быть познанием того, что есть: природы и человека. „Созерцайте природу, созерцайте человека! Здесь вы имеете тайны философии перед глазами“—говорит Добролюбов устами Фейербаха.

Человек познавал и познает внешний мир прежде всего при помощи органов чувств. Конечно,—подчеркивает наш философ,—основой этого чувственного, как и всякого другого познания, является об'ективная материальная действительность.

Добролюбов пишет:

„Чувствование возникает в нас вследствие впечатлений, полученных от внешнего мира“ (Добролюбов, т. VII. „Органическое развитие человека“).

Следовательно, по мнению Добролюбова, ощущение есть результат действия внешних предметов на органы чувств человека, результат взаимодействия человека с внешним миром: оно есть „переход энергии внешнего раздражения в факт сознания“ (Ленин). Таким образом, первый результат воздействия внешних предметов на органы чувств человека есть некоторое внутреннее состояние, ощущение или чувство, которое испытывает человек. Все более сложные формы сознания—чувствования, представления и мышления возникают из ощущений, получаемых от взаимодействия человека и внешнего мира. Чувственные впечатления человека, будучи следствием воздействия на него предметов внешнего мира, в свою очередь связаны с деятельностью мозга, с мышлением. Всякое чувство (ощущение) должно явиться в мозгу, как осознанное впечатление. Добролюбов, объясняя акт зрения, указывает, что оно „не состоит только в том, чтобы видимый предмет отразился в нашем глазе; главное дело здесь в том, чтобы нерв зрения был возбужден и передал в мозг впечатление предмета“ (Добролюбов, полн. собр. соч., т. III, стр. 98). Добролюбов, как материалист, считал, что познание материальной действительности невозможно без деятельности органов чувств. Люди, родившиеся слепыми, лишены всякого представления о свете, цветах. Глухие от рождения лишены возможности составить себе понятие о музыке (см. полн. собр. соч., т. V, стр. 400).

Познание начинается с наблюдения фактов. Процесс познания, по Добролюбову, заключается в раскрытии тех закономерностей, которые существуют в природе. Познать природу, раскрыть по возможности шире ее качественную многообразность—таковы требования науки,—говорит Добролюбов.

Задача современной научной мысли, по Добролюбову, это:

„Изучение предмета, наблюдение явления, объяснение факта—вот задачи, которыми ограничивают себя науки точные, и пора всем наукам. по их примеру, постараться, наконец, о точности в своих положениях“ (Добролюбов, полн. собр. соч., т. III, стр. 551).

Итак, наблюдение и анализ фактов лежат в основе познания объективного мира. Сама наука развивалась этим аналитическим путем. Добролюбов резко критиковал, как оторванную от жизни, идеалистическую спекуляцию, так и

плоский эмпиризм. Идеализм, — говорит Добролюбов, — самоуверенно парит у умозрительных высотах. Эмпиризм идет ощупью, робко и медленно. Первый увлекает своих адептов в неведомое странствование, где они без весел и кормила блуждают в тумане общих мест и мраке неведения. Приверженцы второго склонны представлять темный муравейник целым миром (см. Добролюбов, полн. собр. соч., т. I. стр. 566).

Для Добролюбова содержание человеческого мышления носит об'ективный характер.

Добролюбов ставит вопрос так: существует ли об'ективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит ни от суб'екта, не зависит ни от человека, ни от человечества.

Для Добролюбова, как материалиста, содержание человеческого мышления носит об'ективный характер и находится вне суб'екта и независимо от сознания. Наше сознание принадлежит нам, людям, — говорит наш философ, — но то, что содержится в этих наших знаниях или в представлениях, не есть наше, а есть независимое от нас. Добролюбов решительно утверждает: все, что произвел человеческий разум, все это дано опытом жизни, а идеи рождаются только из существующих фактов.

Одним словом, идеальное — наши представления и понятия — есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное.

«Человек не говорит ничего нового, а только перерабатывает существующее» (см. Добролюбов, т. VII, «Органическое развитие человека» стр. 133).

В другом месте Добролюбов продолжает свою мысль:

«Защищать возможность беспредметной, бесформенной мысли решительно — значит утверждать, что можно создать что-нибудь из ничего» (см. там же, стр. 114)..

Здесь Добролюбов стоит на позициях теории отражения. Теория отражения Добролюбова гласит, что мысль есть функция мозга, что ощущения — это образы внешнего мира, копии, снимки, порождаемые действием существующих вне нас и независимо от нас вещей на наши органы чувств.

Добролюбов, как материалист, выступал в качестве противника учения о врожденных идеях. Человек развивает свои понятия не из себя, а получает их из внешнего мира.

Абстрактные понятия, по мнению Добролюбова, складываются из частных представлений таким образом, что

существенные признаки предметов соединяются при этом воедино, а случайные отрываются (см. Добролюбов, полн. собр. соч., т. III, стр. 53).

Суждения необходимо связаны со знанием предмета и без него немыслимы. Добролюбов яростно возражал против идеалистической точки зрения Жеребцова, отрывавшего логическое мышление от познания предмета, являющегося объектом мышления. Логическое мышление обусловлено материальной действительностью. Правильность мышления зависит от объема и качества данных о предмете, которыми мы располагаем. Противопоставляя идеалистической точке зрения Жеребцова, признававшего логическое совершенство мышления результатом врожденного расположения к рассуждению, материалистическую точку зрения, Добролюбов писал:

„Суждение о предмете, мнение—необходимо связывается с каждым знанием. Невозможно представить себе предмета, который бы я знал и о котором бы у меня не было никакого суждения в голове. Суждение мое может быть неверно или нетвердо, робко; но и это опять будет зависеть от недостаточного знания всех сторон предмета“ (Добролюбов, полн. собр. соч., т. III, стр. 241).

Добролюбов правильно считал, что степень основательности логического суждения определяется глубиной познания исследуемого предмета. О предметах, которые менее нам известны, „суждения составляются медленнее и с меньшей основательностью, чем о явлениях, близких и всем хорошо знакомых“ (там же, стр. 242). На познании предметов основывается и заключение о них. „Если же я знаю предмет так основательно,—говорит Добролюбов,—и ясно, что в нем уже не остается для меня ничего незнакомого или непонятного, то заключение мое о нем непременно будет отличаться решительностью и ясностью“. И дальше: „наш критик указывает, что самый процесс усвоения знаний включает в себя и рассудочную деятельность,—составление суждения, умозаключения“ (см. т. III, стр. 241). Добролюбов решительно отвергает присущий схоластической философии разрыв между отвлеченной логикой и логикой жизни, действительности. Логические категории сами не что иное, как отражение форм, законов, моментов развития действительности или моменты в познании человеком природы, жизни. Добролюбов говорит о логике жизни:

„Отлично владея отвлеченной логикой,—они все не знали логики жизни и потому считали ужасным легким все, что легко выводилось посредством с³е³е³ре-³тьс

логизмов и вместе с тем ужасно мертвили всю жизнь, стараясь втиснуть ее в свои логические формы“ (Добролюбов, полн. собр. соч., т. VII, стр. 261—262).

Для Добролюбова, как для всякого материалиста, законы мышления имеют не только субъективное значение, т. е. законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются с этими формами.

По воззрению Добролюбова, мышление неразрывно связано с языком. Он резко критиковал некоего Алейского, отрывавшего мышление от языка, рассматривавшего их, как две дарованные божеством, независимые друг от друга, способности.

Добролюбов понимал, что характер языка, содержание наших восприятий и понятий обусловлены воздействием материальной среды на человека. В этом смысле он отмечал, что слова находятся в определенном отношении к самой сущности обозначаемых ими предметов мира.

„В языке каждый предмет отмечается соответственным ему словом и нет сомнения, что первоначальное название предмета произошло от того, что человек находил в этом слове выражение того впечатления, какое производил на него сам предмет. С течением времени сознание этого впечатления утрачивалось, но тем не менее, название осталось постоянно за всем родом одинаковых предметов. Таким образом, каждое слово языка находится в более или менее осязательном отношении с самою сущностью предмета“

(Бумаги Добролюбова в рукописном отделении Государ. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

Язык, подобно мышлению, возникает из потребности сношения с другими людьми. Большой заслугой Добролюбова является то, что он указывал на единство мышления и языка и материальную предметную основу этого единства.

* * *

В науке Добролюбов был образцом воинствующего материалиста, непримиримым врагом идеалистической спекуляции, решительным противником кантовского дуализма и агностицизма.

Добролюбов выдвигает проблему приведения сознания в соответствие с действительностью. Содержание сознания должно отражать действительность, и не правы те, которые пытались создать пропасть между содержанием сознания и действительностью. Человеческое познание, по мнению Добролюбова, не имеет никаких границ, челове-

ское мышление ставит себе целью и по своей природе может познать и охватить всю действительность, все действительно существующее. Каждый человек, взятый в отдельности, ограничен в своих возможностях познания. Поэтому противоречие между безграничной возможностью познания и ограниченностью мышления отдельного человека разрешается в виде исторического движения человечества и безграничного возрастания познания природы и общества. Добролюбов стоит на точке зрения познаваемости мира. Он резко критиковал философов, пытавшихся оправдать несостоятельность собственных идеалистических концепций ссылками на непознаваемость мира.

Добролюбов со всей силой выступает против агностиков, которые отрицают объективную реальность, как источник наших ощущений. Агностик—слово греческое: а—значит „не“, gnosis—знание. Агностик говорит: не знаю, есть ли объективная реальность, отражаемая нашими ощущениями, объявляю невозможным знать это. Мы ничего достоверного знать не можем. Таково совершенно определенное заявление агностика.

Добролюбов пишет:

„Если же случится им встретить что-нибудь необъяснимое по их теории, то это для них ровно ничего не значит, они тотчас же сошлются на то, что в мире много непостижимого для нашего слабого разума, что тайны и загадки мы встречаем на каждом шагу“ (Добролюбов, полн. собр. соч., под ред. Аничкова, т. VII, стр. 579).

Разоблачая этих апологетов „таинственности“, сверхестественности явлений мира, Добролюбов продолжает:

„Сверхестественность—любимый конек их, она забавляет их, как забавляет маленьких детей рассказ о змее семиглавом или о подвигах Соловья-разбойника. Из-за этой-то сверхестественности они и быются; она служит, между прочим, щитом, прикрывающим их эгоизм или умственное обленение“ (см. архив Добролюбова в ПЛИ АН СССР).

Добролюбов посвятил специальную статью критике агностической концепции, развитой в книге А. Кусакова: „Об истинности понятия или достоверности человеческих знаний“. Добролюбов не только с замечательной глубиной и неотразимой силой разоблачает всю беспощадность и реакционность агностицизма, а вместе с тем и всякую идеалистическую философию, также разоблачает неразрывную связь философского идеализма с религиозным мракобесием.

Добролюбов писал:

„Г. Кусаков спрашивает меня (т.-е. не лично меня, а вообще всякое „я“, понимаемое в философском смысле): „знаете ли вы что-нибудь“? Я, не имея мудрости Сократа, чтобы охватить „знаю только то, что ничего не знаю“—отвечаю: „знаю“. г. Кусаков экзаменует меня, вопрошая: „что вы знаете?“ Я, разумеется, становлюсь в тупик от внезапности вопроса и, запинаясь, отвечаю: „и да мало ли что я знаю... многое знаю... Ну, знаю, например, ...ну, например, я знаю, что вот это—рука и что рука эта мне принадлежит“. И я решаюсь посмотреть в глаза г. Кусакову, полагая, что удовлетворил его своим ответом. Оказывается, однако, что это не так легко сделать; г. Кусаков продолжает экзамен: „а почему вы знаете, что ваша рука? Может быть, это не рука, или рука да не ваша?“ „Как не моя?“—восклицаю я, пораженный ужасом. „Очень просто,—возражает г. Кусаков,—может быть она и не ваша... Чем вы докажете, что ваша, а не моя, например?“ Такая претензия на мою руку со стороны г. Кусакова поражает уже меня окончательно... В самом деле, какое философское доказательство можно привести на то, что моя рука—моя рука, а не г. Кусакова? Чем это можно доказать человеку неверующему. Ему что ни скажешь, у него все один ответ: а чем докажете? И пойдет бесконечная история для отыскания начала всех начал“ (Добролюбов, полн. собр. соч., т. III, стр. 361).

Добролюбов справедливо замечает, что философия пошла не в прок Кусакову, который безнадежно запутался в идеалистическом лабиринте. Его недоверию к познанию Добролюбов противопоставлял здоровый познавательный оптимизм, считая, что предметы материального мира существуют об'ективно, реально и вполне познаваемы человеком. Он показывает, что всякое недоверие к показаниям чувств неизбежно приводит к агностицизму и идеализму, ибо на них основывается наше представление о мире. Ленин писал, что для Чернышевского, как и для всякого материалиста, предметы, т.-е., говоря вычурным языком Канта, „вещи в себе“ действительно существуют и вполне познаваемы для нас, познаваемы и в своем существовании, и в своих качествах, и в своих действительных отношениях“ (см. Ленин, т. XIII, стр. 294).

Эти слова Ленина, сказанные им о Чернышевском, целиком характеризуют и материалистическую позицию Добролюбова.

Как материалист, Добролюбов ведет ожесточенную войну не только с идеализмом, но и, пройдя выучку фейербаховского материализма, Добролюбов легко подмечал все ограниченность и пороки старо созерцательного, вульгарного материализма. Одним из характернейших положений вульгарного материализма являлось игнорирование специфики человеческого мышления, как особого свойства высокоорганизованной материи. Известно, что вульгарные материалисты (Бюхнер, Молешотт) считали, что мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет желчь. Стремление грубых материалистов стереть специфику духовной деятельности человека Добролюбов объявлял жалким и смешным.

Добролюбов пишет:

„Нам кажутся смешным и жалким невежественные претензии грубого материализма, который унижает высокое значение духовной стороны человека, старался доказать, будто душа человека состоит из какой-то тончайшей материи. Нелепость подобных умствований так давно и так неопровержимо доказана, они так прямо противоречат результатам самих естественных наук, что в настоящее время только разве человек самый отсталый и невежественный может еще не презирать подобных материалистических умствований (см. Добролюбов, полн. собр. соч., т. III, стр. 92).

Грубый материализм, рассматривавший сознание в качестве кусочка тончайшей материи—род материи, материалист Добролюбов называл грубым, слепым. Добролюбов подчеркивал связь, существующую между грубым материализмом и идеализмом“ (см. том III, стр. 93—95).

С точки зрения материализма Добролюбова, сознание, мышление не есть род или вид материи, а как высший продукт высших форм органической материи.

Основоположники марксизма резко критиковали и высмеивали вульгарных материалистов за неумение правильно решить проблему отношения мышления к бытию. Ленин в своей замечательной книге „Материализм и эмпириокритицизм, показывает всю несостоятельность и ограниченность вульгарного материализма.

«Не в том состоят эти взгляды (т.е. взгляды настоящих материалистов. С. А.), чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи. Энгельс в этом вопросе стоял на точке зрения Дидро. От «вульгарных» материалистов—Фохта, Бюхнера и Молешотта—Энгельс

отгораживался, между прочим, именно потому, что они сбивались на тот взгляд, будто мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет желчь» (см. Ленин, т. XII, стр. 38, изд. 1936).

Тов. Сталин в своей работе «Анархизм или социализм» (написанной в 1906 г., см. газету „Ахали Цховреба“ № 7, 1906 г. июня, стр. 2—3) дает следующее замечательное по своей ясности, глубине и правоте определение вульгарного материализма:

„Будто сознание по своей природе—это та же самая материя. Так думали лишь вульгарные материалисты (напр. Бюхнер и Молешотт), которые в корне противостоят материализму Маркса и над которыми справедливо насмеялся Энгельс в своем „Фейербахе“ (И. Сталин, цит. по книге Л. Берия, „К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье“, стр. 64, партизд. 1924 г.—(разрядка С. Аз.).

Добролюбов был Фейербахианцем, т. е. последователем материализма Фейербаха. Но Добролюбов пошел дальше своего учителя.

В отличие от Фейербаха, Добролюбов и его друг Чернышевский были последовательными революционными демократами. Добролюбов и Чернышевский не только глубже Фейербаха понимали значение революции в ходе общественного развития вообще, но и всеми силами отстаивали необходимость демократической крестьянской революции в России. Добролюбов и Чернышевский шли дальше Фейербаха в понимании значения народных масс, крестьянства, как движущей силы истории. Добролюбов был убежден, что бороться за свое освобождение могут только массы,—те кто кровно, социально в этом заинтересованы. К массам Добролюбов относился с величайшим доверием и величайшей надеждой. Он любил народ и верил в его силу. Добролюбов призывает к борьбе, к изменению окружающей действительности, к уничтожению крепостного права. Нельзя это сказать в отношении Фейербаха.

Фейербах, как истый немецкий буржуа, чуждался политики, которая была для него „недостижимой областью“ (Энгельс). Фейербах никогда не ставил всерьез вопрос о необходимости революции. Не даром же Ленин пишет, что Фейербах „не понял революции 1848 г. (см. Ленин. сборн. т. XII, стр. 87). Добролюбов будучи фейербахианцем, в то же время не только не отбросил диалектику Гегеля, как это сделал немецкий мыслитель, но пытался разработать ее дальше на основе материализма. Как известно, Фейербах не до конца справился с критикой идеализма.

Совершенно справедливо критикуя Гегеля за его идеализм, он отбросил Гегелевскую диалектику. Критикуя философию Гегеля, Добролюбов вместе с тем переработал и использовал то положительное, что было в этой философии, т. е. диалектику, для выработки новой философии — демократического мировоззрения. Добролюбов, как и Чернышевский, был крупнейшим историком и экономистом. Им дана замечательно глубокая критика капитализма. Ленин писал, что „Добролюбов дорог всей образованной и мыслящей России, дорог, как писатель, яростно ненавидевший произвол, страстно ждавший восстания против „внутренних турок“ (см. Ленин, т. IV, стр. 346).

Фейербаха же эти отрасли знания почти совершенно не интересовали. Наконец, в отличие от Фейербаха, не занимавшегося специально литературно-критической публицистической деятельностью, вопросами эстетики и истории литературы, Добролюбов и Чернышевский были подлинными корифеями литературной критики и публицистики, выдающимися предшественниками социалистического реализма.

V

Литературно-критические взгляды

Добролюбов является не только глубоким философом, но и крупнейшим литературным критиком и теоретиком искусства.

Решив материалистически основной вопрос философии — вопрос об отношении бытия к мышлению, наш критик с исключительной глубиной рассматривает вопрос об отражении действительной жизни в художественных образах. Наш критик от писателя-художника требует прежде всего правдивого отражения действительности. Это основное, что ставит перед собою критик в оценке художественной литературы. Из философии Фейербаха Добролюбов сделал логический вывод: «прекрасное — есть жизнь». Но раз прекрасное есть жизнь, значит, основная задача искусства воспроизвести жизнь, как можно полнее и правдивее. Добролюбов провозгласил главным принципом искусства — жизненную правду. Талант художника, говорил он, должен быть «чуток к жизненной правде» (см. Добролюбов. Собр., соч., т. III, стр. 511). От литературы, разъяснял критик, мы требуем «одного качества, без которого в ней не может быть никаких достоинств, именно — правды. Надо, чтобы факты, из которых исходит автор и которые он представляет нам, были переданы верно» (см. там же, стр. 50). Реализм, по мысли Добролюбова, есть творческое воспроизведение жизни в ее типичных характерах и типичных

обстоятельствах. В понимании художественного реализма наш критик близко подошел к Энгельсу. Ценность художественного произведения критик усматривал в его объективном реалистическом значении, т.-е. в том, насколько удалось автору правдиво изобразить жизнь, а отнюдь не в характере политических убеждений художника.

„Для нас,—писал Добролюбов,—не столько важно, что хотел сказать автор, сколько то, что сказалось им, хотя бы и ненамеренно, просто вследствие правдивого воспроизведения фактов жизни“ (см. Добролюбов, „Когда же придет настоящий день“?, стр. 303).

По мысли Добролюбова, главную ценность произведения составляет реалистический момент.

„Для нас,—говорит критик,—именно те произведения и важны, в которых жизнь сказала сама собой, а не по заранее придуманной автором программе“ (см. Добролюбов, „Темное царство“, стр. 73).

Здесь критик подчеркивает правдивость отражения действительности, как решающее требование к художнику. Когда Добролюбов говорил о воспроизведении в художественной литературе типических явлений, он имел в виду и изображение существенной стороны события и определенный отбор жизненных фактов. Заслугу Островского критик видит в том, что он „полно и многосторонне умел изобразить существенные стороны и требования русской жизни“ (см. Добролюбов, „Луч света в темном царстве“, стр. 515).

По этой линии критик противопоставлял Островского другим писателям, которые „брали частные явления,—временные, внешние требования общества“ (там же стр. 515). Мы можем смело сказать, что Добролюбов, как Энгельс, различает в художественном произведении два момента: идейный, т.-е., авторское отношение к изображаемой действительности и реалистический—отражение этой действительности. Пафос эстетики Добролюбова в том, что она выдвинула основной задачей искусства обобщение „правды“, т.-е. вскрытие глубоких процессов, совершающихся в обществе. Но, выдвинув положение, что художник должен отражать существенные стороны жизни, критик тем самым обязывал себя дать объяснения, как понимает он законы общественного развития, т.-е. определить общие основы своего мировоззрения.

Принцип „жизненной правды“ был безусловно сильнейшей прогрессивной чертой эстетики Добролюбова, наследовать которую мы и можем и должны.

Литература, по Добролюбову, имеет пропагандистское значение: жизненная правда в художественном произведе-

нии организует сознание читателя против существующего строя в направлении борьбы за осуществление „естественных стремлений“ человечества. Правдивое изображение существенных сторон действительности, окружающей Добролюбова, требовало вскрытия ее язв, ее отрицательных сторон. Добролюбов это понимал с предельной ясностью. Реализм Добролюбова мы можем назвать критическим реализмом. Критический и революционный реализм Добролюбова является предшественником социалистического реализма, лозунг которого дан советской литературе товарищем Сталиным.

В области литературной критики Н. Добролюбов является последовательным реалистом, свою критику он называл реальной. Реальная же критика состоит в обозрении того, что дают нам произведения художника. Подходя с таким требованием к Островскому, Добролюбов заявляет, что „здесь не будет требований в роде того, зачем Островский не изображает характеров, как Шекспир, зачем не развивает комического действия, как Гоголь, и т. п.“¹⁾. Само собою разумеется, что с точки зрения реальной критики нет оснований отвергать, что „лучше было бы, если бы Островский соединил в себе Аристофана, Мольера и Шекспира, но мы знаем, что этого нет, что это невозможно“ и поэтому изучаем то, что есть. „Реальная критика не допускает навязывания автору чужих мыслей... Реальная критика относится к произведению художника точно так же, как к явлениям действительной жизни; она изучает их, стараясь определить их собственную форму, собрав их существенные, характерные черты, но вовсе не суетясь из-за того, зачем это все не рожь и уюль—не алмаз...“²⁾. Таков подход реальной критики к художественному творчеству в целом. Добролюбов вслед за Белинским и Чернышевским утверждает реализм в критике. И если первым требованием реализма в области художественной литературы является верность жизни, действительности, то реализм в критике держится в основном тех же правил. Свое суждение о литературном произведении сторонник реальной критики основывает не на вечных категориях правды, истины и красоты, как это делали критики-эстеты, а на требованиях реальной жизни. Понятно, поэтому, отрицательное отношение Добролюбова к теориям чистого искусства, уводящим от жизни в несуществующий мир. Добролюбов требует, чтобы искусство давало реальные картины, а вслед за ним и критик должен следовать этим принципам. „Теперь жизнь со всех сторон пред'яв-

1) Добролюбов. „Темное царство“, соч., т. II, стр. 45.

2) Добролюбов, там-же, стр. 46.

дает свои права, реализм вторгается всюду, на зло мистификаторам всякого рода. Жизненный реализм должен водвориться в поэзии. Ежели у нас скоро будет замечательный поэт, то, конечно, уж на этом поприще, а не на эстетических тонкостях. Восход солнца, пение птичек, блаженство сладострастия, неопределенное томление о чем-то, воспоминания из мифологии, истории и т. п. теперь могут быть изображены очень хорошо и доставить минутный успех поэту; но никогда не привлекут к нему того живого, деятельного и энергетического сочувствия, которое всегда проявляется в обществе к людям, нужным в известную эпоху, недаром живущим на свете... Нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотой Пушкина и силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворения Кольцова¹. Мысли прекрасные, сохраняющие свое значение до наших дней. Но, очевидно, чтобы судить о том, какой поэт нам нужен в настоящее время, чтобы ответить, почему один поэт пользуется, а другой не пользуется сочувствием общества, критик должен стоять на реальной почве. Он должен быть сыном эпохи. Он должен иметь ясные и твердые понятия и убеждения, короче, он должен обладать революционным миросозерцанием. Вот почему еще в ранней своей статье Добролюбов готов был „более уважать кригика, который произносит новое слово в науке или искусстве, который распространяет в обществе светлый взгляд, истинные, благородные убеждения“¹).

Чтобы выполнить такую задачу, критик должен положить в основу своего подхода принцип соответствия художественного произведения действительности. Не по литературным произведениям надо изучать жизнь, а обратно, идя от жизни, объяснять литературные произведения. Это и понятно, так как для реалиста не жизнь идет за литературой, а литература идет за жизнью. В статье „О степени участия народности в развитии русской литературы“ Добролюбов с предельной ясностью изложил эти мысли. Полемизируя с идеалистами, он оспаривает ту мысль, будто литература является началом всякого добра: „Они готовы думать, что литература заправляет историей, что она изменяет государства, волнует или укрощает народ, переделывает даже нравы и характер народный...“²). Добролюбов выступает перед нами, как последовательный материалист. Он твердо держится этого принципа. „Пора нам освободить жизнь от тяжелой опеки, налагаемой на нее идеологами. Начиная с Плато-

¹) Добролюбов, полн. собр. соч., т. I, стр. 30—31.

²) Добролюбов, собрание сочин., т. I, стр. 265.

на, восстают они против реализма и, еще не понявши хорошенько, перепутывают его учение. Непременно хотят дуализма, хотят делить мир на мыслимое и являемое, уверяя, что только чистые идеи имеют настоящую действительность, а все являемое, т.-е., видимое, составляет только отражение этих высших идей. Пора бы уж бросить такие платонические мечтания...“¹⁾

Ставя вопрос об отношении искусства к действительности, решая его материалистически, утверждая реализм, Добролюбов требует, чтобы в основе произведения лежала правда. Принцип соответствия произведения действительности может быть раскрыт не только со стороны генезиса, но и со стороны содержания.

Но что такое правда в художественном произведении? В статье „Темное царство“ мы имеем такой ответ на этот вопрос: „Собственно говоря, безусловной неправды писатели никогда не выдумывают; о самых нелепых романах и мелодрамах нельзя сказать, чтобы представляемые в них страсти и пошлости были безусловно ложны, т.-е. невозможны, даже как уродливая случайность. Но неправда подобных романов и мелодрам именно в том и состоит, что в них берутся случайные ложные черты действительной жизни, не составляющие ее сущности, ее характерных особенностей... Таким образом, всякая односторонность и исключительность уже мешает полному соблюдению правды художником“¹⁾. Следовательно, правда в произведении это есть полное всестороннее представление о жизни. Но Добролюбов понимал, что это представление зависит не только от неправильного понимания у отдельного человека, но также от обусловленности классовой средой. В первом случае для художника выход в расширении своего кругозора, в усвоении понятий, выработанных наукой, и идеалом тут будет полное слияние науки с поэзией. Во втором случае речь может идти о полном перевороте, так как отдельная личность тут ничего сделать не может. „Весь строй нашей жизни сложился так, что даже человек, который рад бы душою взяться за простые мотивы нормальной жизни, не осмеливается решиться на это, из боязни профанировать искусство. На первый раз у всякого из представления обыденных образов выходит памфлет или просто ругательство; нужно выработать в душе твердое убеждение в необходимости и возможности полного исхода из настоящего порядка этой жизни для того, чтобы получить силу изображать ее поэтическим образом, хотя бы и тоном сатиры“²⁾.

¹⁾ Добролюбов, полн. собр. соч., т. II, стр. 48—49.

²⁾ Добролюбов, соб. соч., т. II, стр. 578.

Твердое убеждение в необходимости и возможности полного исхода из настоящего порядка жизни—это есть не что иное, как переход на точку зрения революции, переворота. Добролюбов поэтому понимал, что не всякий художник может писать правду обо всем. Так, например, художники-дворяне давали жизнь мужика в прикрашенном, искаженном виде. Дать реальные картины народной жизни дворянские художники не могли, их „реализм проявляется только в описаниях природы“, в этом приближении к реализму в природе состоит величайшая литературная заслуга Пушкина“¹⁾).

Конечно, Добролюбов не собирался доказывать, что Пушкин и Лермонтов не могут изображать другую классовую среду, нет, он только утверждал, что на их изображении лежит печать их социальной принадлежности. Иное дело писатель из народа. Он не по наслышке, не из книг знает народ, ему доступно то, что классовая ограниченность не позволяет другому, тому, которому „нельзя сродниться душой с этой жизнью, прожечь ее сердцем и воплотить ее в живое слово тому, кто кровно и прямо не участвует в ней, кто не охвачен ее веянием во всех условиях своего существования и умственных и материальных“²⁾. Вот почему Добролюбов указывает Никитину на необходимость не поддаваться литературной традиции, а разрабатывать то, что дает ему сама жизнь, воспроизводить те живые образы, из которых выработались лучшие его воззрения³⁾; вот почему с такой любовью пишет он об очерках и рассказах И. Т. Кокорева, описывавшего картины „нашей городской народной жизни, которую он знал в мельчайших подробностях и которой умел сочувствовать“⁴⁾. Вот почему он так положительно отзывался о повестях и рассказах С. Т. Славутинского, который так хорошо знает жизнь и „говорит о мужике просто, как о своем брате; вот, говорит он, каков, вот к чему способен, а вот чего в нем нет и вот что с ним случается и почему“⁵⁾).

Утвердить эти мысли Добролюбову было важно не только, как материалисту, стороннику взглядов Чернышевского на отношение искусства к действительности, но и как революционеру, который основную силу революции видел в народе. Кто же мог дать полную правду об этом народе, правду, не искаженную классовыми предрассудками? Правда, „самосознание народных масс далеко еще не

1) Добролюбов, собр. соч., т. II, стр. 576—577.

2) Добролюбов, там-же, стр. 576.

3) Добролюбов, там-же, стр. 585.

4) Добролюбов, там-же, стр. 463.

5) Добролюбов, полн. собр. соч., т. II, стр. 514.

вошло у нас в тот период, в котором оно должно выразить всего себя поэтическим образом; писатели из образованного класса до сих пор почти все занимались народом, как любопытной игрушкой, вовсе не думая смотреть на него серьезно. Сознание великой роли народных масс в экономии человеческих обществ едва начинается у нас, и рядом с этим смутным сознанием появляются серьезные, искренно и с любовью сделанные наблюдения народного быта и характера“¹⁾. Вот где лежат источники народных произведений, дающие полную правду о народе. Итак, в основе художественного произведения должна быть правда, понимаемая не как одностороннее или исключительное, но как полное представление о жизни.

Приняв положение, что в основе произведения должна быть правда, мы тем самым указали и на критерий для определения достоинства произведения. Этот критерий складывается из ряда моментов. Насколько важна та сторона жизни, которая является объектом изображения для художника? Если одному художнику доступны большие социальные вопросы, вопросы нравственности общества, а талант другого появляется в условиях мимолетных впечатлений от таких явлений природы, то ясно, что талант первого будет значительнее и важнее для общества, чем талант второго.

Для определения таланта важна не только та сфера жизни, которую взял художник, но также, как глубоко проник он в сущность изображаемых им явлений. Художник может скользить по поверхности явления, но он может улавливать и глубокие подводные течения, проникать в глубь жизни, вскрывая перед читателем ее тайники. Это—второй момент.

Третий момент может быть сформулирован, как верность действительности. Верно ли понял художник жизнь и верно ли изобразил ее? Наконец четвертый момент—это живость изображения, образность.

В статье „Луч света в темном царстве“ Добролюбов снова вернулся к этому вопросу и сформулировал ответ так: „Правда есть необходимое условие, а еще не достоинство произведения. О достоинстве произведения мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся“²⁾. Но теперь возникает вопрос: на основе чего можно судить о важности изображаемого, о глубине, верности и живости? Здесь критерием для Добролюбова было выражение „естественных стремлений“. „Ме-

¹⁾ Добролюбов, полн. собр. соч., т. II, стр. 263.

²⁾ Добролюбов, там-же, стр. 326.

рсю достоинства писателя или отдельного произведения мы принимаем то, насколько служат они выражением естественных стремлений известного времени и народа. Естественные стремления человечества, приведенные к самому простому знаменателю, могут быть выражены в двух словах: „Чтобы всем было хорошо“ ¹⁾. Так лаконически Добролюбов определил довольно широкую программу, так как удовлетворить естественные стремления народа — это значит — совершить переворот, это значит устроить жизнь не в интересах привилегированного меньшинства, а в интересах широких масс народа. Интересы крестьянских масс и является той платформой, стоя на которой можно определить, насколько важны изображаемые явления, насколько они верно и глубоко даны, насколько они живы, полны, образны. Это достаточно широкая и, главное, революционно-демократическая точка зрения. Опираясь на нее, Добролюбов мог чувствовать свою силу и свое превосходство перед критиками типа Дружинина, Анненкова, Дудышкина, Аполлона Григорьева и т. д. и т. п.

Тут мы вплотную подходим к вопросу о социальной функции литературы. Литература должна служить народу, должна служить достижению того, чтобы были удовлетворены естественные стремления народа. Правда, „литературе до сих пор предоставлена была небольшая роль в этом движении человечества к естественным началам, от которых оно отклонялось“. Что может тут сделать литература? Она представляет силу служебную, ее назначение — пропаганда, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует. Бывает и так, что художники в своей пропаганде „становятся в ряд исторических деятелей, способствовавших человечеству в яснейшем сознании его живых сил и естественных наклоностей“ ²⁾. Но если главное назначение литературы — пропаганда, то ее силу, центр, основное начало должна составлять правда. Там, где нет правды, там не может быть пропаганды, там социальная функция литературой выполнена быть не может. „Самое главное для критики — определить, стоит ли автор в уровень с теми естественными стремлениями, которые уже пробудились в народе или должны скоро пробудиться по требованию современного порядка дел; затем — в какой мере умел он их понять и выразить и взял ли он существо дела, корень его, или только внешность, обнял ли общность предмета, или только некоторые его стороны“ ³⁾.

¹⁾ Добролюбов, полн. собр. соч., т. II, стр. 324.

²⁾ Добролюбов, там-же, стр. 325.

³⁾ Добролюбов, там-же, т. II, стр. 327.

В руках критика-реалиста теперь были все данные, чтобы полно и глубоко оценить литературное произведение. В основе его должна лежать идея, потому что художник изображает определенные факты действительности, из которых идея вытекает сама собою. „Писатель-художник, не заботясь ни о каких общих заключениях относительно состояния общественной мысли и нравственности, всегда умеет, однако же, уловить их существеннейшие черты, ярко осветить их и прямо поставить их перед глазами людей размышляющих. Вот почему и полагаем мы, что как скоро в писателе-художнике признается талант, т. е. умение чувствовать и изображать жизненную правду явлений, то уже в силу этого самого признания произведения его дают законный повод к рассуждениям о той среде жизни, о той эпохе, которая вызвала в писателе то или другое произведение“¹⁾.

Следовательно, ход мысли Добролюбова таков: идея произведения вытекает из фактов жизни, которые поражают внимание писателя. В силу же того, что писатель всегда улавливает существеннейшие черты в поразившей его действительности, мы можем рассуждать о фактах жизни, вызвавших произведение.

Добролюбов полагает, что главная задача литературной критики — разъяснение тех явлений действительности, которые вызвали художественное произведение, поэтому он обращается к изучению жизни, и свои выводы о литературных явлениях делает на основе этого изучения. Следовательно, реальная критика показывает нам идею не столько, как отношение художника к действительности, сколько, как продукт отражения явлений действительности, к анализу которых критик и отправляется от анализа художественного произведения. Тут перед нами выступает несомненный материализм, но тут нет диалектики, налицо неумение применить диалектику к теории отражения. Добролюбов верно подходит к произведению со стороны действительности, он правильно подходит и со стороны художника, рассматривая его, как откровение сущности человеческой личности, но он не диалектически понимает сущность человеческой личности. Короче, он допускает здесь те же ошибки, прекрасно вскрытые в знаменитых тезисах Маркса.

* * *

До сих пор мы говорили о принципах критики Добролюбова, не касаясь вопроса об эстетической оценке. Напомним, что такая оценка не только не была чужда Добролюбову, но предполагалась им как необходимая,

¹⁾ Добролюбов, полн. собр. соч., т. II, стр. 207.

органическая часть анализа. В статье „Когда же придет настоящий день?“ Добролюбов писал: „Эстетическая критика сделалась теперь принадлежностью чувствительных барышень“. Наш знаменитый критик против этой критики, его задача иная—подвести итог тем данным, которые рассеяны в произведениях, ставя в неразрывную связь с его идейной значимостью. Не могут иметь большого эстетического значения произведения, ничтожные в идейном отношении. Это прямо вытекает из подходов Добролюбова к рассмотрению качества таланта: „Например, у г. Фета есть талант и у г. Тютчева есть талант: как определить их относительное значение? Без сомнения, не иначе, как рассмотрением сферы, доступной каждому из них? 1). Таким образом, эстетическая оценка поставлена в зависимость от того, что художник изображает, как глубоко, как верно, как живо. Последнее требование Добролюбов рассматривал, как умение художника сильно чувствовать и переживать. В статье „А. В. Кольцов“ он писал: „Чувство наше возбуждается всегда живыми предметами, а не общими понятиями... На этом основании для поэзии необходимы живые, определенные образы, чтобы она могла удовлетворить нашему чувству. А могут явиться в душе эти образы только тогда, когда мысль, которую хотим мы развить в поэтической форме, не только хорошо понята нами, но и вполне живо и определенно представляется нашему сознанию, так что легко возбуждает чувство в душе человека. В этой-то стороне и заключается главное отличие так-называемых поэтических катур. Понять истину может всякий умный человек, стремиться к добру должен и хочет всякий человек, не лишенный благородства души. Но сильно почувствовать и правду и добро, найти в них жизнь и красоту, представить их в прекрасных и определенных образах—это может только поэт и вообще художник“ 2). Но чувство это в самих поэтах бывает различным, и отсюда вытекают различия в поэзии, ее ряды: эпический, лирический, драматический. Содержание чувству дает жизнь, поэтому ясно, что для эстетической ценности далеко не безразлично это содержание. Для Добролюбова—революционного демократа—это было важным и основным. Свежесть чувства, сочувствия угнетенным массам были дороже для Добролюбова, чем иные большие полотна.

Достоинство поэта зависит, с одной стороны, от того, как сильно в нем поэтическое чувство, а с другой—от

1) Добролюбов, полн. собр. соч., т. II, стр. 52.

2) Добролюбов, там-же, т. I, стр. 121, 122.

того, на какие предметы и на какие стороны предмета оно обращается" ¹⁾).

В лице Добролюбова мы видим представителя новых эстетических взглядов, эстетики революционной демократии, во многом прямо открыто противостоящей буржуазно-дворянской эстетике. Его взгляд в данном случае был обусловлен его позицией революционного демократа. Литература должна служить обществу.

В статье о „Губернских очерках“ Щедрина очень ясно сформулирована точка зрения Добролюбова. Вот что здесь читаем: „Литература, как всегда, служила первою выразительницею общественных стремлений, приводя их в ясность и умеряя силу строгим и обдуманном обслуживанием всех затронутых вопросов...“ И дальше: „Литература продолжает свое дело добросовестно; служение делу общественного совершенствования он считает своим священнейшим назначением... Литература действительно продолжает свои обличения, свои выводы на все хорошее и благородное: она попрежнему твердит обществу о честной и полезной деятельности, она все поет ту же песню:

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди!“ ²⁾

Нет надобности в новых примерах, так как и без того ясно, какую большую общественную задачу ставил Добролюбов перед литературой—она должна служить обществу, делу народного освобождения, борьбе за удовлетворение „естественных стремлений“ широких масс.

Таким образом, реальная критика имеет довольно широкий философский, социальный, эстетический фундамент. Ее принципы имеют об'ективный характер, и она не навязывает автору своих мнений, она вскрывает то, что есть. В статье „Когда же придет настоящий день?“ Добролюбов писал: „Для нас не столько важно то, что сказано им, хотя бы и ненамеренно, просто вследствие правдивого воспроизведения фактов жизни“ ³⁾. Добролюбов переходит к литературному произведению, как к факту, значение которого определяется не личным намерением автора, а об'ективными формами борьбы классов. Прекрасно выразил эту мысль В. И. Ленин в своем письме к М. Горькому в декабре м-це 1913 г. „Вы хотите этим сказать „доброе и хорошее“ указать на „Правду—Справедливость“ и тому подобное. Но это Ваше доброе жела-

1) Добролюбов, полн. собр. соч., т. I, стр. 123.

2) Добролюбов, там-же, т. II, стр. 368—369.

3) Добролюбов, там-же, т. I, стр. 184—185.

ние остается Вашим личным достоянием, субъективным „невиным желанием“. Раз вы его написали, оно пошло в массу и его значение определяется не вашим добрым пожеланием, а соотношением общественных сил, объективным соотношением классов¹⁾.

Добролюбов понимал логику классовой борьбы и ее определяющее значение для уяснения роли и общественной функции произведения. Все принципы ее критики обусловлены этим пониманием, этой позицией борьбы за крестьянскую революцию, за раскрепощение народных масс, за разрушение самодержавно-помещичьего строя. В критике Добролюбова не только сохранены все живые и верные мысли В. Г. Белинского, не только мастерски применена философская и эстетическая точка зрения Н. Г. Чернышевского, но все это поднято на новую ступень, двинуто дальше. Реальная критика Добролюбова является лучшим продолжением того дела, которое начал Белинский и продолжал Чернышевский. Она является блестящим доказательством того, насколько жизненны были их взгляды, насколько плодотворна и значительна была их деятельность для общественного развития России. И сама критика Добролюбова приобретала особое значение в 60-е годы. Еще не кончилось то время, когда по четкому выражению В. Белинского, «только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед»²⁾. Было бы поэтому узким педантизмом подходить к критике Добролюбова, как к явлению только литературному. Нет, его критика была громадным общественным явлением, в ней звучит призыв к революции, к народному восстанию. Она—пламя и меч революционной крестьянской демократии 60-х годов.

¹⁾ Добролюбов, полн. собр. соч., т. II, стр. 207.

²⁾ Ленин, сочинения, т. XVII, стр. 85.